

АЛЕКСАНДРЪ
АМФИТЕАТРОВЪ.

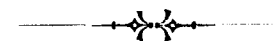
БАБЫ И ДАМЫ.

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ
МОСКВА МОСКОВЪ
Д. БЕНЧЕНКОФЪ
«КНИЖНИЙ МАГАЗИНЪ»
Д. П. ЕФИМОВА
«РЕКЛАМА»
А. Д. ДРУТМАНЪ.

А 291
229.
АЛЕКСАНДРЪ
АМФИТЕАТРОВЪ.

БАБЫ И ДАМЫ.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:
МОСКВА, МОХОВАЯ,
Д. БЕНКЕНДОРФЪ,
° КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ °
Д. П. ЕФИМОВА
° ПРЕМНИЦА °
А. Д. ДРУТМАНЪ.

СОДЕРЖАНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Разрывъ	5
Ребенокъ.	19
Фармазоны	33
Меблированная Карменъ	51
Умница.	61
«Альфонсъ».	87
Братъ и сестра	103
Уголовная чернь	118
Семейство Ченчи	133
Въ омутъ	148
Мамка	158
Питергскія контрабандистки	170
Курортный мужъ	192
Первая пощечина	207
На зарѣ	212
Зоз	219

РАЗРЫВЪ.

Иванъ Карповичъ Тишенко, старшій столоначальникъ въ отдѣленіи Препонъ, департамента Противодѣйствій, давно уже очнулся отъ послѣбодѣннаго сна, но все еще сидѣлъ на кровати, зѣвалъ, тупо вглядываясь въ свѣтовую полосу, брошенную, сквозь полуотворенную дверь, на полъ темной спальни лампами столовой, и злился—безпричинно, тяжело, надутю, какъ умѣютъ злиться только полнокровныя и съ дурнымъ пищевареніемъ люди, когда доспать до прилива къ головѣ. Его раздражало—то, зачѣмъ онъ такъ долго спалъ, то, зачѣмъ его разбудили. Шумъ самовара, звяканье чашекъ въ столовой били его по нервамъ. Хотѣлось сорвать злость хоть на чемъ-нибудь. Ивана Карповича уже три раза звали пить чай; дважды онъ промолчалъ, а на третій разъ сердито крикнуть:—«знаю! слышалъ! можно, кажется, не приставать, пощадить человѣка!»—и, хотя чаю ему очень хотѣлось, нарочно, на зло просидѣлъ въ темнотѣ еще нѣсколько минутъ. Наконецъ всталъ, накинулъ халатъ, вдѣлъ ноги въ туфли,—и, при первомъ же шагѣ, споткнулся на что-то. Поднялъ, посмотрѣлъ: старый женскій башмакъ.

— Бросаетъ тутъ... гадость какая!—съ сердцемъ проворчалъ онъ и швырнулъ башмакъ въ уголъ.

По тому, какъ порывисто Иванъ Карповичъ хлебалъ горячій чай, и по толстой сердитой морщинѣ на его лбу, Аннушка, домоправительница Тишенко, догадалась, что баринъ сильно не въ духѣ. Она испуганно молчала, исподлбѣя

и украдкой поглядывая на Ивана Карповича блестящими голубыми глазами. Иванъ Карповичъ поймалъ одинъ изъ этихъ робкихъ взглядовъ...

— Позвольте васъ спросить,—ехидно и рѣзко сказалъ онъ, глядя въ сторону,—долго-ли мнѣ еще приучать васъ къ порядку? Расшвыриваете у меня въ комнатѣ обувь свою прелестную... очень мило!.. Ко мнѣ ходятъ товарищи, порядочные люди; коли сами срамяться желаете, срамитесь, сколько угодно, но меня срамить я вамъ запрещаю.

Аннушка испугалась еще больше, покраснѣла, какъ ку-мачъ, и едва не уронила изъ задрожавшихъ рукъ чайникъ.

— Виновата, Иванъ Карповичъ... сейчасъ приберу. забыла...

Она вышла. Иванъ Карповичъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ и презрительно покачалъ головой. Ему было досадно, что Аннушка и на этотъ разъ проявила обычную, много лѣтъ знакомую ему покорность, не возразила и не дала ему отвести душу къ легкой ссорѣ.—«Фу, какъ глупа и тупа!»—подумалъ онъ,—самыхъ простыхъ и первоначальныхъ правъ своихъ не понимаетъ, а туда же еще зовется женщиной! Какая это женщина? такъ,—красивый кусокъ мяса... Да и чего красиваго? Такъ... одни тѣлеса! Отпустилъ Богъ двадцать фунтовъ грудей,—только и всей радости... Корова! Вымя!»

Напившись чаю, Иванъ Карповичъ взялъ шапку и, не взглянувъ на Аннушку, вышелъ со двора.

Онъ отправился въ гости къ своему сослуживцу Бѣлоносову. Бѣлоносовъ—человѣкъ семейный и обремененный дѣтьми, жилъ тѣмъ не менѣе открыто; у него сидѣло на шеѣ четыре взрослыхъ дочери: ради ихъ устройства Бѣлоносовъ принималъ гостей больше и чаще, чѣмъ желалъ и былъ въ состояніи. Иванъ Карповичъ нашелъ у него большое общество—все молодежь. «Пріятно проведу время»,—рѣшилъ онъ, и недавней сонной досады какъ не бывало. Онъ сдѣлался и веселъ, и развязенъ, рассказалъ Бѣлоносову служебный анекдотъ, мадамъ Бѣлоносовой сообщилъ рецептъ отъ ревматизма, а, когда барышни затѣяли petits jeux и танцы подъ фортепіано, оказался самымъ дѣятельнымъ и интереснымъ кавалеромъ. Танцуя кадрили съ младшей Бѣлоносовой, Линой, красивой дѣвушкой, похожей на Тамару съ извѣст-

ной гравюры Зичи, Тищенко смѣшилъ свою даму каламбурами, допытывался, въ кого она влюблена, сказалъ ей про ея сходство съ Тамарой. Барышня смѣялась и не безъ интереса поглядывала на своего кавалера. Однако старики Бѣлоносовы, наблюдавшіе танцующихъ взорами и умиленными, и дѣловыми вмѣстѣ, строили довольно кислые гримасы, когда на глаза имъ попадались Лина и Тищенко въ парѣ. Постѣ кадрили мать отозвала Лину.

— Ты съ Тищенко много не танцуй,—внушила она,—онъ конечно не дурень собой и умѣетъ держаться въ обществѣ, но онъ женатый, хоть и врозь съ женой живетъ. Про него ходятъ нехорошіе слухи. Нечего тебѣ, дѣвушка, съ нимъ знаться. Дурные люди сплетки по знакомымъ разнесутъ, да и самъ голубчикъ—извѣстный сахаръ-медовичъ: втрое нахвастаетъ...

И во весь вечеръ Тищенко не удалось уже ни слова сказать съ m-lle Бѣлоносовой.

Возвращаясь домой Иванъ Карповичъ поздно и немного пьяный. По дорогѣ имъ опять овладѣли злые, мрачныя мысли.

— Завидно, право, завидно,—думалъ онъ,—умѣютъ же люди жить! Какой-нибудь Бѣлоносовъ—что онъ? тля, безпросвѣтный чинуша. По службѣ идетъ скверно, у начальства числится въ круглыхъ дуракахъ, необразованъ... а вотъ поди же ты, какъ у него хорошо! Жена, дочери, приличное общество... ахъ, какое это великое дѣло! Право, въ семьѣ онъ даже не такъ глупъ кажется,—что значитъ свое гнѣздо! И себѣ спокойно, и люди уважаютъ.

Онъ гнѣвно отбросилъ носкомъ сапога понававший подъ ноги окурокъ.

— А вотъ меня не уважаютъ,—продолжалъ онъ,—да, по правдѣ сказать, не за что и уважать. Что въ томъ, что я университетскій, и голову на плечахъ имѣю, и собою не уродъ? Университетскій, а служу въ такомъ учрежденіи, что, при порядочномъ человѣкѣ, и назвать то конфузно: такъ его печать заплевала... Знаю, что накости служу, а служу, у начальства на лучшемъ замѣчаніи, награды получаю... ничего, не прегитъ! Идеалы прежніе—тютю! выдохлись! Даже и не вспоминаешь никогда прошлаго—нарочно не вспо-